

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ЛИ ЭТО ЯВЛЕНИЕ?

В СВОЕЙ статье «Глеб Космачев вступает в бой», опубликованной в «Комсомольской правде» 11 января, критик А. Анастасьев сетует на то, что печать незаслуженно обошла вниманием спектакль театра имени Ермоловой «Глеб Космачев» М. Шатрова.

Мне показалось странным, что А. Анастасьев спустя год после премьеры решил нарушить молчание критики, и еще более странным, что он дал столь высокую оценку пьесе М. Шатрова. Именно этим и объясняется мое желание высказать некоторые соображения по поводу постановки, с которой я недавно познакомился.

Хочу сразу же оговориться: я разделяю мнение А. Анастасьева об игре актеров — они действительно вложили много труда и таланта, чтобы воплотить на сцене образы наших молодых современников. Больше того, мне думается, что большинство участников спектакля зритель обязан тем, что они, так сказать, дописали портреты, созданные драматургом, углубили характеры героев, наполнили жизнью, плотью и кровью схематические фигуры, которые подчас отличают друг от друга только имена.

И тем не менее нельзя согласиться с тем, что «Глеб Космачев» — положительное явление в нашем театре, «надежная заявка на сценическое решение большой общественной темы». Если это и заявка, то весьма условная и посредственная.

Обратимся к пьесе. Ее фабула довольно проста и незамысловата. В таинную глухомань прибыла группа юношей и девушек, что-

бы принять участие в постройке новой дороги. Здесь они оказываются во власти прораба Савельева — карьериста и двуличного человека. Его сподвижники мастер Котов и Белый, проходимцы, люди без чести и совести, всячески отравляют жизнь молодым энтузиастам. Один из них, изыскатель Глеб Космачев, вступает в борьбу с прохвостами, точнее, с Савельевым, которого он считает главным своим противником.

Таков, видимо, замысел драматурга.

Попытаемся разобраться, что же в действительности происходит на сцене. Недоуменных вопросов много. Но коснемся наиболее существенных. Что дало основание Глебу Космачеву увидеть в Савельеве врага, да еще главного? А. Анастасьев пишет: «Именно то, что Савельев предстает перед нами как образ, выражающий недоверие и нелюбовь к людям, придает протесту Космачева острый современный характер». Как же это сочетается с утверждением самого критика, что это отношение Глеба к Савельеву недостаточно выражено в действии?

В самом деле, чем же руководствуется Космачев, когда предъявляет прорабу такие серьезные обвинения? Да нет же для этого оснований в пьесе, решительно нет никаких оснований считать прораба карьеристом и человеком двуличным. Откуда же видно, что «Савельев предстает перед нами как образ, выражающий недоверие и нелюбовь к людям», в связи с чем протест Космачева носит «острый современный характер»? На чем покоится этот протест? Савельев ведет себя как на-

стоящий труженик, как заботливый руководитель, печется о рабочих, недосыпает, недодает, сам стремится туда, где труднее и где нужна его помощь. Он неустанно думает о том, чтобы выполнить и перевыполнить производственный план. Таким он и выглядит в исполнении И. Соловьева. «И все же что-то настаоруживает нас, заставляет с особым тревожным вниманием вглядываться в эту фигуру», — пишет А. Анастасьев.

ЗАМЕТКИ ЗРИТЕЛЯ

Откуда взялось это «что-то»? Нет в спектакле этого «что-то», и потому совершенно голословной кажется характеристика Савельева, данная критиком, как врага крупного и опасного. Для чего она — чтобы оправдать поединок с ним Космачева, одержимость и темперамент молодого изыскателя? Потому и возникают у артиста В. Андреева, играющего Глеба, декламационные интонации, что и сам он не ощущает опоры в словах, данных ему драматургом, не верит, что Савельев — враг крупный и опасный. Домыслы и догадки — не мало ли этого, чтобы ополчиться на умного, целеустремленного прораба, таящего в себе «что-то», что незримо и недоказуемо.

Отсюда и зыбкость позиции Космачева, и недоумение зрителя. Оно возрастает, когда речь идет о Котове. Откуда взялись его «взаимопонимание» с начальством, откуда

«невывисказанная» хитрая круговая порука с ним? Да нет же этого. Котов просто прохвост и ворюга, как и его дружок Белый, и никаких связей и «взаимопониманий» с Савельевым усмотреть в их действиях нельзя. Трудно понять, как этих, мягко говоря, натяжек не увидели в театре. Слова Котова и Белого, пытающихся «под занавес» очернить Савельева, выглядят явным писательским произволом.

А. Анастасьев говорит, что его «не удовлетворяет чрезмерный «наворот» конфликтов, надуманный утешительски-благополучный финал». Трудно ему также понять, что подорвало веру рабочих в Савельева (именно об этом уязвимом обстоятельстве мы и сказали вначале). «И все же», повторяю, «Глеб Космачев» представляется мне положительным явлением», — говорит А. Анастасьев.

«И все же»... Что же еще убедило критика в том, что пьеса М. Шатрова «положительное явление»? Неужели не вызвала в нем протеста та удручающая атмосфера, в которой оказались прекрасные молодые советские люди, устремившиеся по зову партии в далекий необжитый край? Что типического в том, что в течение длительного времени юноши и девушки работали, испытывая издевательства жуликов и подле-

цов, таких, как Котов и Белый?

Трудно представить себе более мрачную картину, чем ту, которую нарисовал М. Шатров, показав нам почти полную беззащитность молодежи, столкнувшейся в тайге с подонками. Мы всем сердцем с Глебом, отважно сражающимся за правду, мы вместе с ним, нашим бесстрашным современником, нетерпимым ко всему чуждому и темному, что еще встречается на нашем трудном, но славном пути к коммунизму. Но почему же он одинок в своей тяжелой борьбе с Савельевым, которого он считает врагом? Почему все его товарищи не увидели в Савельеве чужака, если он таким является? Почему, наконец, в схватке с противником Глеба поддерживает некий бесплотный коммунист Алексеев, являющийся к нему в решающие минуты как некое видение?

Мы сказали, что пьеса вызывает много недоуменных вопросов, но ограничимся изложенным. Вряд ли можно считать пьесу «Глеб Космачев» положительным явлением в нашем театре. Думается, что своей «поддержкой» критик А. Анастасьев оказал плохую услугу драматургу М. Шатрову, который явно не завершил работу над пьесой.

В. ЛЕПСКИЙ,
инженер-строитель.

Вечерняя Москва, 1962, 16. авг.